

На правах рукописи

СУВОРОВ Дмитрий Владимирович.

Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России.

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры.

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата культурологии

Екатеринбург

2006

Диссертация выполнена на кафедре социально-гуманитарных дисциплин НОУ ВПО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Научный руководитель: Мясникова Людмила Анатольевна,
доктор философских наук, профессор.

Официальные оппоненты: Ершов Юрий Геннадьевич,
доктор философских наук, профессор.
Побережников Игорь Васильевич,
кандидат исторических наук.

Ведущая организация: Институт философии и права Уральского отделения РАН.

Защита состоится 30. 05. 2006 года в 15. 00. часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.08 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук, доктора культурологии, доктора искусствоведения при Уральском государственном университете им. А.М. Горького по адресу: 620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Автореферат разослан 28. 04. 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор социологических наук,
доцент

Лихачева Л.С.

Общая характеристика работы

Актуальность диссертационного исследования. Теория и история российской культуры стояла и стоит перед проблемой осмысления и научной типологизации российского исторического пути, а также создания прогностической методологии, позволяющей не только объяснять, но и до известной степени предсказывать развитие российской цивилизации. Это актуально, потому что современная Россия находится в состоянии полномасштабной структурной трансформации всех сторон своего цивилизационного и социокультурного существования.

Проблема исторического пути и сущности России как цивилизационного феномена является одной из стержневых и предметообразующих для русской философии. Несмотря на длительную традицию в осмыслении российского исторического пути и судьбы, поисков «русской идеи», способов самоидентификации России, единого и эффективного в современных условиях ответа на эти вопросы нет до сих пор. Более того – многолетняя, длящаяся не один век дискуссия о понимании закономерностей российской историко-культурной эволюции не только далека от разрешения, но и имеет тенденцию к обретению своего рода «второго дыхания»; данная тематика обречена ещё долго оставаться актуальной для отечественной науки. Россия вновь ищет способы обновления не только экономики, государственных структур, общественных и политических институтов, но и всей системы ценностей, всех социокультурных основ своего бытия, как и способов жизни российского общества, адекватных реалиям современности. В свете вышесказанного обращение к проблеме исторического пути России, к способам объяснения и типологизации особенностей её культурно-цивилизационного развития и, в связи с этим – к проблематике модернизации России представляются актуальными.

Степень разработанности проблемы. Литература, посвящённая проблематике российской историософии, чрезвычайно обширна. Прежде всего, это труды

русских философов, создавших традицию осмысления особенностей культурно-исторического пути России (П. Н. Чаадаев, Н. Я. Данилевский, К. Д. Кавелин, Ю. Ф. Самарин, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, И. А. Ильин, С. Н., Е. Н. и Н. С. Трубецкие, Г. П. Федотов, Г. Г. Шпет, В. Ф. Эрн). В советской и современной отечественной литературе эта линия продолжена в трудах таких исследователей, как М. К. Мамардашвили, Г. О. Батищев, М. К. Петров, Э. С. Маркарян, В. В. Налимов, А. Я. Гуревич, А. Д. Сахаров, Л. Н. Гумилёв, Ю. М. Лотман, Д. С. Лихачёв, о. А. В. Мень и другие. Среди историософской и культурологической традиции выявления специфики русского пути развития особо следует выделить спор западников и славянофилов и осмысление его в отечественной философской и культурологической литературе конца XX века, а также в трудах западных исследователей – таких, как Дж. Биллингтон, Ф. Бродель, Ч. Данинг, Н. Дэвис, А. Каппелер. Подключение зарубежных материалов особенно интересно и перспективно в научном отношении, так как зарубежные авторы были в значительной степени свободны от традиционных российских пристрастий и антипатий и в силу этого вносили свежую своеобразную (хотя подчас и дискуссионную) ноту в общую тональность научных высказываний по интересующей нас проблематике.

В литературе, связанной с осмыслением отечественной истории и культуры, особо важными для данного исследования явилась «цивилизационная» и «диалоговая» парадигмы культурологии (представленная в трудах Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. А. Сорокина, К. Ясперса, М. Бубера, М. М. Бахтина, Л. Н. Гумилёва, М. К. Петрова, А. С. Ахиезера, А. Я. Гуревича, Э. С. Маркаряна, А. И. Арнольдова, И. Н. Ионова, В. М. Межуева, Л. Н. Когана, Н. С. Злобина, М. С. Кагана, В. Е. Давидовича, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского).

Особый блок литературы связан с анализом феномена модернизации как западными авторами – классическими (К. Маркс, О. Конт, Ч. Кули, Э. Дюркгейм, Ф. Тённис) и современными (Д. Лернер, Ш. Айзенштадт, У. Бек, З. Бауман, У. Мур, Н. Смелзер, А. Инкелес, Д. Смит, А. Франк, С. Хантингтон, Ф. Кардозо, У.

Ростоу, Дж. Гэлбрайт, Ю. Хабермас, А. Тоффлер, Д. Белл, Дж. Пламенатц, Р. Пеннок, Э. Гриффис, С. Липсет, Г. Алмонд, Л. Пай, Э. Гидденс), так и отечественными (П. А. Сорокин, Б. С. Ерасов, Ю. Г. Ершов, Л. А. Закс, М. С. Каган, В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов, В. И. Копалов, В. А. Лоскутов, В. М. Межуев, Н. Н. Моисеев, В. В. Скоробогачкий, М. Н. Эпштейн, Ю. В. Яковец).

Несмотря на разнообразную и обширную литературу по проблеме исторического пути России, многие вопросы остаются без ответа. В частности, таковым является вопрос: можно ли считать российскую культуру целостным и устойчивым образованием, или речь должна идти о различных дискретных российских цивилизациях? В работе «Истоки и смысл русского коммунизма» Н. А. Бердяев писал: «В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую. Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую, и, наконец, новую советскую Россию» [19, с. 7] (впоследствии Бердяев гипотетически предсказал и появление новой, постсоветской России). Следовательно, по Бердяеву, в историко-культурной эволюции России преобладают дискретные характеристики. Если же признаётся цивилизационная дискретность российской культуры и социума, то каким образом соотносится единство и разнообразие русской культуры и истории? Наконец, нет ясности в вопросе связи характеристик цивилизации и процессов модернизации. Вопрос о сути модернизации и особенностях её осуществления тоже требует прояснения.

Все вышеозначенные вопросы и составляют проблемное поле диссертационного исследования.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является историко-культурный путь, пройденный российской цивилизацией. Предметом исследования выступают присущие ей специфические особенности дискретного развития посредством последовательно сменяющих друг друга «исторических организмов» (Н. Данилевский), имеющих разную парадигму эволюции и разную се-

мантику, а также сущность и содержание модернизационных процессов в России: оба эти аспекта научного рассмотрения находятся в тесной связи друг с другом.

Основной **целью** представленной работы является рассмотрение культурно-исторического развития России как смены субцивилизаций и модернизационных волн. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: выявить цивилизационные особенности России; понять взаимосвязь единства и субцивилизационной дискретности в культурно-историческом развитии России; проанализировать сущность модернизации как способа обновления культуры и социума, а также типы модернизации; на основе выявленной сути модернизации представить исторический путь России как смену домодернизационных и модернизационных эпох; рассмотреть исторически сложившиеся субцивилизации как этапы культурно-исторического пути России, а также факторы, влияющие на формирование каждой из них; раскрыть динамику модернизации и антимодернизации и воздействие последней на характер развития исторических, цивилизационных и социокультурных ситуаций в России.

Теоретическая основа диссертации определена предметной областью, целью и задачами исследования.

- В определении особенностей русской культуры и исторического пути развития России значимыми явились работы Н. А. Бердяева (в особенности его идея «пяти Росий») и концепция катастрофичности русского пути), Н. Я. Данилевского, Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина, К. Д. Кавелина, Ф. А. Степуна, Е. Трубецкого, Г. П. Федотова, С. Л. Франка;

- В понимании сути исторического процесса наибольшее значение имели труды авторов, разрабатывающих цивилизационные и диалоговые подходы – помимо вышеперечисленных, к ним можно добавить исследования таких авторов, как А. С. Ахиезер, Д. Г. Горин, Н. И. Горин, В. К. Кантор, Д. С. Лихачёв, Ю. М. Лотман, А. А. Нецадин, А. С. Панарин, Г. С. Померанц, Б. А. Успенский, А. Я. Флиер;

- Также большое методологическое значение имели труды, в которых осуществлялась критика узости славянофильства как классиками отечественной философии (В. С. Соловьёв, Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун, Г. П. Федотов), так и современными авторами (Л. А. Аннинский, Ю. Г. Ершов, А. Б. Зубов, А. А. Карамурза, В. Е. Кемеров, И. М. Клямкин, В. В. Лапкин, В. А. Лоскутов, В. В. Скоробогацкий, А. И. Уткин, С. В. Цирель, И. Г. Яковенко, А. Л. Янов);

- Существенный вклад в разработку проблемного поля внесли работы культурологов как отечественных (А. И. Арнольдова, А. С. Ахиезера, М. М. Бахтина, А. Я. Гуревича, В. Е. Давидовича, Н. С. Злобина, И. Н. Ионова, М. С. Кагана, Л. Н. Когана, Д. С. Лихачёва, Ю. М. Лотмана, Э. С. Маркаряна, В. М. Межуева, Б. А. Успенского, Л. А. Шумихиной), так и зарубежных (Ф. Боаса, Ф. Brentano, В. Вундта, Дж. Гершковича, К. Гиртца, У. Гуденау, Д. Деннета, Э. Кассирера, К. Клакхона, А. Кребера, Б. Малиновского, Дж. Мелвила, Дж. Мердока, М. Мид, О. Оттенберга, С. Пинкера, А. Радклифф-Брауна, М. Шелера, Л. Уайта, Й. Хейзинги);

- Особое место в диссертации занимает проблема модернизации. Для её решения наиболее значимыми стали работы Ш. Айзенштадта, З. Баумана, У. Бека, Н. Вернек Содре, Э. Гидденса, Д. Лернера, Н. Смелзера, С. Хантингтона;

- Понимание современного этапа развития культуры и социума в России опирается на исследования классиков социологической мысли XX века, в работах которых разрабатываются проблемы системной организации социумов (в том числе - цивилизаций): Э. Гидденс, Н. Луман, Р. Мёртон, Т. Парсонс, П. Штомпка, а также авторов концепции символического интеракционизма (Г. Блумер, Дж. Г. Мид, Т. Партленд, Т. Шибутани).

Методологической основой работы являются:

- дискретно-цивилизационный анализ исторического развития;
- системный подход;
- диалогово-культурологическая парадигма.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

- культурно-историческое развитие России рассматривается в тесном единстве с проблемой модернизации, что позволило выделить в истории России домодернизационные и модернизационные эпохи;

- впервые осуществлена попытка понять культурно-историческое развитие России как смену субцивилизаций, что позволило увидеть и единство, и многообразие (дискретность) российской цивилизации;

- выявлено теоретическое многообразие понимания модернизации и определена специфика модернизационных процессов в культуре и истории России.

Положения, выносимые на защиту:

1). Культурно-историческое развитие России в концепции автора предстаёт как неоднократная радикальная трансформация русского культурно-исторического типа, является дискретным процессом смены субцивилизаций: киевской, «ордынской», московской, петербургской, советской, постсоветской. Между ними – при сохранении основных черт российской цивилизации – наблюдается ситуация частичного разрыва преемственности. Фундаментальную семантику отечественной цивилизации можно определить как сочетание единства и дискретности;

2). Субцивилизации – особые «исторические организации», являющиеся модификациями целостной цивилизации, наиболее крупный сегмент целостной цивилизации, отличающийся пространственно-временной, ценностно-духовной, культурно-материальной и социально-организационной спецификой, позволяющих выделить данный феномен из цивилизации в целом.

3). Историю России можно разделить на два больших этапа: домодернизационный (киевская, «ордынская» и московская субцивилизации) и модернизационный (петербургская и советская субцивилизации). Критерием принадлежности той или иной субцивилизации к каждому конкретному этапу служит традиционалистский или посттрадиционалистский характер данной субцивилизации;

4). Модернизация – процесс обновления, охватывающий *всю* совокупность материальных и духовных факторов человеческого бытия, имеющий характер поступательного позитивного развития, направленного на обогащение и усложнение культуры, социума, человека. Под модернизацией не могут быть понимаемы процессы регенеративного характера, упрощающие и примитивизирующие социальные структуры и культуру; вместе с тем модернизационные процессы, наряду с достижениями, предполагают и потери в разных областях жизни;

5). На протяжении Нового и Новейшего времени все модернизации (в том числе российские) носили вестернизированный характер: поэтому имеет смысл говорить о вестернизации в той или иной степени как о *неотъемлемом* элементе самого модернизационного феномена в его реалиях *последних нескольких столетий*. Все состоявшиеся российские модернизации проходили в рамках догоняющего типа культуры и несли в себе характерные черты и матрицу развития последнего. Однако необходимо отнести к этому факту как к историческому, но не как к абсолютно прогностическому: неизбежную вестернизацию можно рассматривать как фактологическую данность, сознавая, что в дальнейшем (и в принципе) картина может измениться – в «идеальном типе» модернизации вестернизация присутствовать не обязана;

6). В России модернизационный процесс происходит как последовательность *волн модернизации* – больших социокультурных процессов, находящихся применительно друг к другу в отношениях преемственности и в то же время предполагающих разрывы, отчего весь процесс носит дискретный характер.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы диссертации, включая содержащиеся в ней теоретические выводы и положения, могут быть использованы в рамках учебного процесса при изучении и преподавании философии, истории Отечества и культурологии в высшей школе. Выводы и фактические данные, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы и в ряде других учебных дисциплин гуманитарного характера (политология,

социология, конфликтология). Кроме того, результаты данного диссертационного исследования могут иметь общеметодологическое значение для решения и прогнозирования современной социокультурной и политической проблематики.

Практическая апробация научной работы. Основные положения данной работы (в её различных аспектах) были изложены диссертантом на научно-теоретических конференциях (международных и всероссийских):

- научно-практическая конференция «Российская культура на рубеже пространств и времён» (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург, 14-15. V. 1998).

- научно-практическая конференция «Экономическая, правовая и духовная культура России на рубеже тысячелетий» (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург, 20-21.V. 1999).

- научно-практическая конференция «Ценности и социальные технологии демократического общества XXI века как цель высшего гуманитарного образования» (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург, 22-23. V. 2000).

- IV ежегодная научно-практическая конференция «Проблема нового гуманизма в мировом и российском контексте» (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург, 17-18.V. 2001).

- V ежегодная научно-практическая конференция «Глобализация: реальность, противоречия, перспективы» (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург, 15. V. 2002).

- Международная научно-практическая конференция «Коллизии свободы в постиндустриальном обществе» (Гуманитарный университет, Фонд Фридриха Науманна, г. Екатеринбург, 15-16. V. 2003).

- Международная научно-практическая конференция «Толерантность в условиях цивилизации локальных войн. Тайм-аут или мораторий» (УрГУ, г. Екатеринбург, 22-24. I. 2004).

- VII международная научно-практическая конференция «Информационная эпоха: Мир – Россия – Урал» (Гуманитарный университет, Генеральное консульство США в Екатеринбурге, г. Екатеринбург, 12-13. V. 2004).

- Всероссийская научно-теоретическая конференция «Социальные конфликты в России в XVII-XVIII вв.» (Научно-исследовательский институт гуманитарных дисциплин при правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, 18-22.V. 2004).

- Региональная научно-практическая конференция «Гражданская позиция, духовность и патриотизм молодежи – будущее России (Администрация города Тобольска, Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, 19. IV. 2005).

- Всероссийская научно-практическая конференция «Великая Война: Великая Победа и Великая Трагедия» (Администрация г. Екатеринбурга, Институт военной истории МО РФ, Центр военных и военно-исторических исследований Гуманитарного университета, УрГПУ, 23-24. IV, 2005).

- VIII международная научно-практическая конференция «Между прошлым и будущим : социальные отношения, ценности и институты в изменяющейся России» (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург, 17-18. . 2005).

Кроме того, работа была обсуждена на заседании кафедры социально-гуманитарных дисциплин Гуманитарного университета. Различные положения данного исследования отражены в 27 публикациях.

Структура диссертации определяется её целями и задачами. Работа состоит из введения, четырёх глав, включающих 12 параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы. Содержание работы изложено на 182 страницах. Список литературы содержит 294 наименования.

Основное содержание работы.

Во «**Введении**» определены актуальность темы исследования, его объект и предмет, цель и задачи, дан обзор литературы по теме исследования и охарактер-

ризована теоретико-методологическая база, отражена научная новизна, отмечена практическая значимость работы.

В первой главе – «Проблема модернизации в свете цивилизационно- дискретного развития России» – рассматривается модернизация в связи с особенностям цивилизационного развития России. В первом параграфе главы – **«Специфика российского культурно-исторического пути как цивилизационно-дискретного развития»** – констатируется тот факт, что традиционные историософские схемы чем дальше, тем больше оказываются трудноприменимыми для объяснения и осмысления исторического пути России. В современной России имеет место полномасштабный цивилизационный и связанный с ним аксиологический кризис: современная (постсоветская) Россия ещё не обрела устойчивой самоидентификации.

Необходимость преодоления данного положения впервые была осмыслена Н. А. Бердяевым, обратившим внимание на то, что в нашей отечественной истории и культуре имеет место нескольких последовательно сменяющих друг друга «Россий». То есть, плавного течения исторического процесса в реальности нет – вместо него имеет место неоднократная и радикальная трансформация основ отечественной цивилизации. То есть, в эволюции российского социокультурного мира наблюдается культурологическая дискретность. При этом в разных конкретных «периодах цивилизации» Россия осмысляла себя по-разному и в подчас полярных символических формах.

Второй параграф - **«Цивилизации» и «субцивилизации» как элемент исторической дискретности»**. В нём рассмотрены: содержание концепта «цивилизация»; особенности существования цивилизаций как системных образований; взаимоотношение понятий цивилизации и культуры; дихотомия «мировых» и «локальных» цивилизаций; проблематика и типология цивилизационных и культурных конфликтов; вводится понятие субцивилизации, которое определяется как *особые «исторические организации», являющиеся модификациями целостной ци-*

визации, как наиболее крупный сегмент целостной цивилизации, отличающийся пространственно-временной, ценностно-духовной, культурно-материальной и социально-организационной спецификой, позволяющих выделить данный феномен из цивилизации в целом. С помощью данного концепта в дальнейшем рассматривается вся историко-культурная эволюция России.

Третий параграф – **«Модернизация как процесс обновления и развития: типы модернизации»**. Анализируется ряд философских моделей исторического и социокультурного развития. Все эти модели объединяются одной общей чертой: наличием явно констатируемого разрыва между двумя состояниями социума – условно назовём их «традиционным» и «посттрадиционным». В противопоставлении этих двух состояний и заключено понимание феномена модернизации. Модернизационные процессы являются всеобщими и комплексными, охватывающими *всю* совокупность материальных и духовных факторов человеческого бытия (при определённом приоритете именно духовной сферы). Критически анализируются девять главных характеристик модернизации, сформулированные С. Хантингтоном: революционность, комплексность, системность, глобальность, протяжённость во времени, ступенчатость, унифицирующий характер, необратимость, прогрессивность.

Рассматривается ключевой для данной проблематики вопрос – соотношение модернизации и вестернизации. Исторически два этих процесса на протяжении последних веков были неразрывно связаны друг с другом, но принципиально (как «идеальный тип») модернизация может и не иметь вестернизированного оттенка. Анализируются феномены «первичной» и «вторичной», или «догоняющей» модернизации (и связанного с последней «догоняющего типа культуры»): Первичная модернизация охватывает эпоху первой промышленной революции, разрушения традиционных наследственных привилегий и провозглашения равных гражданских прав, демократизации и т. д. Вторичная («отражённая», модернизация «вдогонку») основана на социокультурных контактах отставших в своём развитии

стран с уже существующими центрами индустриальной (а сейчас и постиндустриальной) культуры». «Догоняющему типу» свойственны: энциклопедизм, синхронное переживание последовательно пройденных традиционными культурами этапов, «цитатность» и «псевдоморфозность» восприятия и воплощения идущих извне импульсов (традиционные номинативы наполняются новым и подчас несравнимым с первоисточником содержанием), «взрывной» характер эволюции.

Любая модернизация является феноменом *процессуальным* и – де-факто – *перманентным*. Отсюда – несколько потенциальных матриц взаимоотношений традиционализма и модернизации: *симбиоз прежнего состояния и заимствований, синтез наследия и заимствований, противостояние модернизации и традиционализма*. В любом случае, модернизация – не прямолинейное движение по кем-то намеченному и единому для всех пути, а постоянный выбор оптимального варианта этого движения, зависящего от конкретных условий и обстоятельств. Отсюда характерная особенность многих модернизаций: модернизационный процесс происходит как последовательность *волн модернизации* – больших социокультурных процессов, занимающих целые исторические периоды, находящихся по отношению друг к другу в отношениях определённой преемственности (не всегда прямолинейной, но всегда последовательной) и прерываемых некоторыми «паузами» (отчего весь процесс носит дискретный характер). Модернизационные процессы никогда не носят однолинейного характера, происходят как серия «приливов и отливов», несут наряду с достижениями и определённые потери в разных областях жизни: особенно это относится к «догоняющей» модернизации. Модернизация – процесс не только и не столько материального, сколько духовного характера. Модернизационный феномен по определению противостоит традиционализму, направлен на демонтаж последнего: поэтому любые (даже системные) изменения в обществе, имеющие протрадиционалистский, антилиберальный характер, в качестве модернизации рассматриваться не могут.

Вторая глава – «Домодернизационный период: средневековые российские субцивилизации» – рассматривает средневековый период российского исторического бытия, в рамках существования трёх субцивилизаций: киевской, «ордынской» и московской. В первом параграфе – **«Киевская Русь – «русская Европа»** – киевская субцивилизация рассматривается как европейская по генезису и основным чертам бытования (при несомненном наличии культурной, политической и даже природной специфики), идентичная современным ей европейским цивилизациям по геополитическому фактору, генезису и структуре государства, юридическому статусу, формам самоуправления, культурному состоянию. Специфика же киевской субцивилизации, отличающая её от сопредельной Европы, заключается в отсутствии крепостного права как юридической системы, отсутствии феодализма как системы, восточнохристианских корнях культуры Киевской Руси.

Второй параграф – **«Эпоха раздробленности и «ордынская» эпоха – «переходный этап»** в истории российской цивилизации». В данном разделе анализируются различные точки зрения на причину распада Киевской Руси. В «ордынскую» эпоху происходят фундаментальные и не всегда позитивные трансформации древнерусской цивилизации, но возложить ответственность за это только на Орду неправомерно. В качестве главных моментов, присущих новой эпохе, отмечаются следующие: перемещение государствообразующих центров на северо-восток, усиление конфронтации с Западной Европой (на религиозной основе), тенденция к свёртыванию древнекиевских институтов и традиций самоуправления. Отличительная черта описываемого времени – формирование в «ордынскую» эпоху трёх самостоятельных субцивилизаций на месте и на основе рухнувшей киевской (с различными векторами эволюции, с различной самопрезентацией и с разным хронотопом). Фактически «ордынская» эпоха может трактоваться как переходная.

Третий параграф – **«Московская Русь (Московия) – «антиевропейский соблазн» русской истории»**. В качестве наиболее репрезентативных для специфики московской субцивилизации моментов можно выделить следующее:

а). Перемещение на северо-восток фактически всей страны, что имело следствием: резкое территориальное увеличение страны, приводящее к всё большей разреженности населения; нарастание, а затем и гегемония архаических черт в традициях и менталитете жителей Московии; развитие Московского государства преимущественно на основе сельского социума.

б). В области духовной вышеописанные тенденции нашли своё предельное выражение в формировании новых идеологем – «Святой Руси» и «Третьего Рима». Обеим идеологемам присущ характер мессианизма; в московской трактовке «богоизбранным народом» оказывалась Русь, и только она – западные христиане в качестве христиан вообще не рассматривались.

в). В области этатизма в Московии формируется разновидность потестарной (властной) формации («тяглое государство», по В. Ключевскому; «азиатский способ производства», по А. Ахиезеру).

Третья глава – «Эпоха модернизации: петербургская субцивилизация» – рассматривает начало и развитие модернизационных процессов, хронологически совпадающих с петербургской субцивилизацией и включающие в себя, кроме того, отрезок «позднемосковского» периода с момента воцарения Романовых до создания Российской империи. За этот исторический период Российское государство последовательно пережило *три* большие волны модернизации: период реформ XVII – начала XVIII вв.; реформы екатерининской и alexандровской эпох; Великие реформы Александра II, реформы рубежа XIX-XX вв.

Первый параграф – **«Культурно-цивилизационное своеобразие старта российской модернизации»**. Рассматривается специфика перехода России от домодернизационной реальности к модернизационной (обстановка краха предыдущей субцивилизации и всего средневекового цивилизационного состояния, культур-

ные конфликты, необходимость быстрой – то есть неизбежно догоняющей – модернизации). Старт модернизации и ломка традиционных институтов неизбежно должна была стать радикальной и болезненной по ряду причин: противоречие между поверхностной технологической квази-модернизацией и комплексным характером модернизации и его духовными истоками, аксиологическая дуальность «праведного» и «неправедного», отсутствие области «нейтрального». Поэтому необходимо было осуществить в системе традиционных московских ценностей и приоритетов смену знаков с «плюсов» на «минусы» – именно такая перетрансформация ценностей парадоксально отвечала отечественному менталитету и делала перемены необратимыми.

Второй параграф – **«Своеобразие и противоречивые результаты первой волны модернизации. Вторая волна модернизации: pro e contra»**. В данном разделе анализируются характер, вектор развития и результаты первых двух волн российской модернизации.

Петровская модернизация была квинтэссенцией типических черт догоняющей модернизации. Косвенные последствия происшедшего оказались едва ли не важнее, нежели непосредственные практические достижения и провалы эпохи. С одной стороны, был дан старт русскому Просвещению: культурная вестернизация есть не только главная (пусть косвенная) заслуга Петра, но и главный резерв и катализатор дальнейших модернизационных предприятий Российской империи. С другой стороны, методы, с помощью которых Пётр внедрял свои проекты, в исторической перспективе создали мощную антилиберальную традицию в российской социальной жизни.

Реагирование на эти противоречия, а также ответы на вновь возникающие «вызовы» времени составили содержание второй волны модернизации, которая также обладает рядом имманентно присущих ей черт. Фактически эта эпоха прошла под знаком утилитаризма и меркантилизма. В области чисто культурной вторая волна модернизации дала результаты более чем впечатляющие: политическая

и юридическая эмансипация дворянства, расширение поля свободы в стране, новое социокультурное самосознание. Результаты второй волны модернизации оказались векторно разнонаправленными. Усиление либеральных тенденций соседствовало с усилением крепостничества; эмансипация дворянства способствовала расколу общества, узакониванию и даже санкционированию авторитарно-директивных стратегий и тактики проведения модернизационных проектов. Этот момент определял сравнительную социальную узость модернизационной базы, поскольку громадное большинство населения страны жило в условиях господства традиционного общества.

Третий параграф – **«Специфика третьей волны модернизации и проблема российского традиционализма»**. В эпоху третьей волны модернизации отчётливо прослеживается стремление идеологически осмыслить и санкционировать происходящее: период 1826-1917 гг. проходит под знаком официально объявленной национально-имперской идеи.

С одной стороны, ни одна из предыдущих волн модернизации не давала в России такого эффекта системного обновления, причём максимальные заслуги российской монархии связаны именно с теми годами, в которые она максимально открылась Западу. С другой стороны, с момента принятия официальной идеологической триады («самодержавие, православие, народность») идёт апелляция к старомосковской традиции, отчего и весь данный феномен получил название «русского традиционализма». Такая парадигма развития неизбежно усиливала симптомы «расколотого общества» и катализировала социокультурные конфликты. Химеричность позднеимперской империи усиливалась и вследствие нарастающего разрыва между динамично развивающимися экономической и культурной и стагнирующей социально-политической сторонами жизни. В целом третья волна модернизации характеризовалась неустойчивым соотношением противоборствующих тенденций: однако успехи третьей волны модернизации безусловны, а вызванный модернизацией и сопровождающий её духовный и интеллекту-

альный взрыв сам по себе является важнейшим результатом и итогом данного историко-культурного процесса.

Четвёртый параграф – **«Роль новой российской духовной и художественной культуры в осмыслении и корректировании процесса модернизации»** – посвящён анализу роли независимой, неподконтрольной официозу духовной и художественной культуры в формировании общего духовно-психологического настроения в обществе. У этой новой культуры была своя, несводимая только к эстетическому фактору роль в эволюции российского общества.

Предлагаемые пути развития страны и цивилизации, были различны. Традиционно принято констатировать спор западников и славянофилов: на самом же деле ситуация была намного сложнее и многопрофильней. Не следует преувеличивать полярность и тем более непримиримость позиций спорящих – фактически и те, и другие были культурологическими европейцами в самом глубинном, экзистенциальном смысле. Были ещё существенно отличные от славянофилов евразийцы и «русские европейцы». Реализм и прагматизм «русского европеизма» представлял из себя антитезу романтическому по сути мироощущению как западников, так и славянофилов. В позиции «русских европейцев» сильно ощущаются черты *интегратизма* – тенденции к снятию полемических крайностей в позициях западников и славянофилов при творческом синтезе и дальнейшей разработке наличествующих в их платформах позитивных моментов. Также существовал лагерь ультрарадикалов («нигилисты», «народники», «революционные демократы»), сторонников неэволюционного пути решения российских проблем. Переняв от западников некое идеологическое «ядро», они развивали его по славянофильски – в частности, солидаризируясь с крайними славянофилами в примате «общинного», «коллективистского» начал над личностным. От настоящих славянофилов российские радикалы отличались своим глубинным, недеklarативным антиевропеизмом (и антихристианством). Смыкание нигилизма с локалистской ар-

хаизированной «ночной культурой» России (о. Г. Флоровский) стало для петербургской субцивилизации детонатором катастрофы.

Четвёртая глава – «Эпоха модернизации: советская субцивилизация» – рассматривает период с 1917 по 1991 гг. В XX веке событийная и понятийная логика российской истории ломает свой линейный характер: эту эпоху нельзя квалифицировать в понятийных рамках поступательной «прогрессивности» или «регрессивности», она представляет из себя некий «горизонтальный протуберанец», «мутацию» исторической эволюции с тенденцией некоторой «регенеративности».

Первый параграф – **«Становление и упрочение советской субцивилизации: противоречия четвёртой волны модернизации»**. Первый макроэтап советского периода отечественной истории (до середины 50-х гг.) – становление и кристаллизация советской субцивилизации. Внутри данного макроэтапа явственно различимы три достаточно резко очерченных временных отрезка, объединённых общим вектором эволюции (становление системы) и общим характером идеологического осмысления и самопрезентации (различные модификации утопической модели «мировой коммунистической революции»), но достаточно резко разнящихся между собой в плане как идейно-политическом, так и семантическом, смысловом.

Первый период (1917-1921 гг.). Н. Бердяев квалифицировал большевизм как гибрид средневекового утопизма, наивного рационализма и «субъективного произвола», понимаемого как «беспредельный классовый субъективизм». С точки зрения социально-психологической и духовной, всё происходившее в 1917-1921 гг. есть «регенерация архаических форм»; практика (но не теория) ленинизма и эклектичный характер последнего также могут быть трактуемы как антимодернизационно направленные.

Второй период (1921-1928 гг.). НЭП есть небезуспешная попытка ремодернизации, возвращения к элементам и реалиям российской цивилизации начала

XX («Серебряного») века. Несомненно экономические и блестящие культурные успехи тех лет. Крах НЭП представляется очередной «регенерацией».

Третий период (1928-1953 гг.), время торжества и наивысшего расцвета тоталитаризма в истории России. Для данного этапа характерны: тотальность, комплексность всех принимаемых Сталиным и его окружением мер, последовательное и неуклонное взятие под контроль всех без исключения сторон общественной и приватной жизни; «псевдомодернизация» (Т. Пиирайнен), где внешне индустриализированные формы скрывают типично архаизированную сущность; преобладание черт «гибридного общества» (сосуществование в СССР всех известных в марксизме «социально-экономических формаций», при преобладании потестарной формации); формирование и кристаллизация неорелигии, выразившейся в приобретении официальным вульгаризированным марксизмом всех черт религиозного культа, в массовом зомбировании населения и во внедрении в духовную культуру нормативной мифологизированной эстетики «социалистического реализма»; структурирование идеократической империи, внешне закамуфлированной под федерацию демократических республик; полный разрыв с ленинской традицией антиэтатистской анархической футурологии и откровенная практическая апелляция к государственнической традиции «доосевых» цивилизаций; возрождение имперской и великодержавно-шовинистической идеологии.

Второй параграф – **«Кризис, последняя волна модернизации, крах субцивилизации»** – рассматривает период с середины 50-х гг. до момента распада СССР. Спецификой же всего рассматриваемого периода является то, что эти изменения приобрели характер серии антитоталитарных реформ, которые можно охарактеризовать как целенаправленную попытку полномасштабной модернизации страны (пятая волна).

Серию реформ 50-80-х гг. можно трактовать как незаконченную и многократно прерванную волну модернизации – поскольку, в отличие от сталинской практики, речь идёт о мероприятиях, направленных на комплексное обновление

всех или большинства сторон социальной и духовной жизни. Все данные мероприятия обладают схожими чертами: прагматическим характером; декларированием «возвращения» к «правильным истокам» после некоего ошибочного «зигзага истории»; вестернизированной ориентацией; расширением поля свободы в стране; принципиальной половинчатостью реформационных проектов, наличием для каждого из реформаторов «зоны табу»; «абортивностью» реформ.

В эпоху перестройки система начинает стремительно терять способность к саморегуляции и поддержанию целостности. Нарастают все виды культурных конфликтов; отстранение населения от официальной аксиологической системы превращается в стихийную поддержку любых альтернативных проектов и беспрецедентную для российской истории готовность к переменам. Субъективно последние коммунистические реформаторы оказались неспособны преодолеть собственный «порог ригидности» и объективно подтолкнули ситуацию к радикальному концу. Крайняя ригидность системы, её неспособность адекватно реагировать на внешние импульсы, утеря ей основополагающих черт саморегуляции и самоподдержания, помноженная на субъективные ошибки руководителей различных уровней, привели к обвалу самой системы, а с ней – и к самоликвидации советской субцивилизации.

В 90-е гг. XX века фактически рождается новая, постсоветская субцивилизация (предсказанная Бердяевым). Уже сейчас можно говорить о кардинальном изменении цивилизационного состояния России по всем параметрам материального и духовного бытия. Главная цивилизационная проблема сегодняшней России – кризис идентичности, неопределённость её самоопределения и самопозиционирования. Современная Россия находится в состоянии выбора своего европейского или антиевропейского статуса и самопонимания. Ситуация догоняющей модернизации вновь реанимирует состояние «псевдоморфоза» перенимаемых «импортных» форм и норм, которые на российской почве приобретают принципиально новое (и подчас противоположное своим прообразом) значение. Главное же – при

наличии стольких флуктуаций система формирующейся новой российской субцивилизации становится предельно стохастичной. Можно говорить об осторожном оптимизме футурологических прогнозов. Главным препятствием к проведению успешной современной модернизации остаётся синдром «расколотого общества».

В «**Заключении**» подводятся итоги исследования, определяются перспективы дальнейшего социокультурного и цивилизационного развития России, а также потенциальные направления исследований в данной области.

Основные результаты исследования отражены в 27 публикациях автора общим объёмом 66, 28 п. л.

Публикации по проблематике диссертации:

1. Суворов Д. В. Неизвестная гражданская война : монография / Д. В. Суворов - Екатеринбург : Пакрус, 1999. – 165 с. [9, 59 п. л.].

2. Суворов Д. В. История и культура России: мифы и реальность : монография. Т. I / Д. В. Суворов - Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 471 с. [27, 44 п. л.].

3. Суворов Д. В. Галактика Владимира Высоцкого : монография / Д. В. Суворов – Минск : Белорусские зори-33, 2005. – 189 с. [10, 99 п. л.].

4. Суворов Д. В. Болгарская средневековая культура и генезис европейского Ренессанса / Д. В. Суворов // Рациональность иррационального / под ред. В. И. Колосницына. - Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1991. – С. 228-241. [0, 76 п. л.].

5. Суворов Д. В. Религиозная ситуация в современной России: проблемы, истоки, прогнозы / Д. В. Суворов // Российская культура на рубеже пространств и времён : материалы научно-практической конференции (Екатеринбург, Гуманитарный ун-т, 14-15 мая, 1998 г.). - Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 1998. – С. 87-91. [0, 23 п. л.].

6. Суворов Д. В. Значение косовского кризиса для России: цивилизационно-культурологические проблемы / Д. В. Суворов // Экономическая, правовая и ду-

ховная культура России на рубеже тысячелетий : материалы научно-практической конференции (Екатеринбург, Гуманитарный ун-т, 20-21 мая, 1999 г.). - Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 1999. – С. 138-141. [0, 23 п. л.].

7. Суворов Д. В. Современная гуманитарная ситуация и проблемы религиозного сознания / Д. В. Суворов // Ценности и социальные технологии демократического общества XXI века как цель высшего гуманитарного образования: материалы научно-практической конференции (Екатеринбург, Гуманитарный ун-т, 22-23 мая, 2000 г.). - Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2000. – С. 196-200. [0, 29 п. л.].

8. Суворов Д. В. Гарвардская теория принципиальной коммуникации и проблема гуманизма XXI века / Д. В. Суворов // Проблемы нового гуманизма в мировом и российском контексте : материалы научно-практической конференции (Екатеринбург, Гуманитарный ун-т, 17-18 мая, 2001 г.). - Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. – С. 152-154. [0, 17 п. л.].

9. Суворов Д. В. К вопросу о позиции Русской Православной Церкви как одного из важнейших факторов российского антиглобализма / Д. В. Суворов // Глобализация: реальность, противоречия, перспективы : материалы V ежегодной научно-практической конференции (Екатеринбург, Гуманитарный ун-т, 15 мая, 2002 г.). - Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. – С. 226-231. [0, 35 п. л.].

10. Суворов Д. В. О некоторых проблемах патриотизма, исторической мифологии и национальной идентичности / Д. В. Суворов // Патриотическое воспитание как условие возрождения России: материалы Всероссийской научной конференции (Екатеринбург, Гуманитарный ун-т, 19 февр., 2003 г.). - Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2003. – С. 254-259. [0, 35 п. л.].

11. Суворов Д. В. Проблема свободы в историческом ракурсе российской цивилизации / Д. В. Суворов // Коллизии свободы в постиндустриальном обществе: материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург,

Гуманитарный ун-т, 15-16 мая, 2003 г.). - Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2003. – С. 156-164. [0, 52 п. л.].

12. Суворов Д. В. Обоснование исторического ревизионизма / Д. В. Суворов // Информационная эпоха: Мир – Россия – Урал : материалы VII международной научно-практической конференции (Екатеринбург, Гуманитарный ун-т, 12-13 мая, 2004 г.). - Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2004. – С. 108-115. [0, 46 п. л.].

13. Суворов Д. В. Ещё раз о структурной запрограммированности техногенных катастроф (в свете теории И. Пригожина - И. Стенгерс) / Д. В. Суворов // Стихийные бедствия, техногенные и социальные катастрофы : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, Гуманитарный ун-т, 21. 11. 2004). - Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2005. – С. 199-203. [0, 29 п. л.].

14. Суворов Д. В. О теоретическом понимании модернизации / Д. В. Суворов // Между прошлым и будущим : социальные отношения, ценности и институты в изменяющейся России : материалы VIII международной научно-практической конференции (Екатеринбург, Гуманитарный ун-т, 17-18 мая, 2005 г.). – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2005. – С. 30-40. [0, 64 п. л.].

15. Суворов Д. В. О сущности и типологии современной российской власти / Д. В. Суворов // Власть и властные отношения в современном мире : материалы IX международной научно-практической конференция «Власть и властные отношения в современном мире» (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург, 30-31. III. 2006). – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2006. – С. 395-401. [0, 41 п. л.].